

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Компаньоны

Он прошел под массивными сводами проезда Старгородской башни, вышел на мост короля Карла и остановился, завороженный открывшимися перед ним видами города. Воздух был почти недвижим, и редкие снежинки тихо опускались с низкого темно-серого неба. Прага стояла покрытая снегом, обесцвеченная сумерками пасмурного декабрьского вечера, словно запечатленная на старинной черно-белой, слегка тонированной панорамной фотографии, оттенки которой казались то кремово-теплыми, то синевато-холодными. Неяркие белые покрывала, шапки, шапочки и накидки лежали на черепичных крышах Старого города, на большом круглом куполе орденового храма Святого Креста, покрывали головы, плечи и сутулые спины безмолвных мостовых скульптур. Два ряда каменных епископов, королей, рыцарей и монахов тянулись вдоль моста в сторону правобережной Малостранской башни, очертания которой были размыты мглистым пространством зимнего вечера, так что хитросплетения гранитной вязи, вуалью наброшенной средневековыми мастерами на мощную кладку ее стен, почти не различались.

Он смахнул снег с ограждения, облокотился и посмотрел вниз. Далеко вперед выдавались острые, будто форштевни перевернутых броненосцев, каменные волноломы моста, обтекаемые черными водами Влтавы. Перед каждым из них на некотором удалении торчали из воды мощные деревянные брусья, сбитые большими железными скобами. Они выступали из воды очень полого, словно нацеленные на мост орудия затонувших кораблей, и, вероятно, предназначались для взламывания наплавляющего на них льда

в период ледохода. Вода бурлила вокруг, и через некоторое время начинало казаться, что мост и ты сам оказываешься вовлеченными во встречное движение.

«Как все же странно, — думал он, снова всматриваясь в панораму растворяющихся в пространстве мостов и башен. — Четыре дня назад я был здесь, стоял на этом самом месте под летним солнцем, а в обе стороны текла бесконечная многоцветная толпа. И вот четыре дня спустя, но двумя веками раньше я снова здесь. Стою на пустом мосту и ломаю голову: когда впервые я ступил на эти камни? Тогда, четыре дня назад, или сейчас, двумя столетиями раньше?»

Он усмехнулся, поежился, смахнул с плеч снег и вынул из кармана часы. Оставалось десять минут.

«А ведь там уже изрядно нервничают, — вспомнил он сотрудников института, вечно недовольную физиономию заместителя директора, пренебрежительную ухмылку оператора Столбикова, намакияженное лицо ассистентки Вероники, толпящихся в коридоре охранников и прочей публики. Теперь все это в прошлом. Вернее, в будущем. В очень далеком, уже не достижимом для него будущем. Через десять минут окно закроется, но и теперь, даже если он бросится бежать из всех сил, то ни за что не успеет к месту реинсталляции.

Жребий брошен. Пути назад уже не существовало. Десятое декабря 1911 года стало точкой отсчета второй половины его жизни. Станет ли эта половина действительно половиной или окажется жалким огрызком — этого он не знал. Будет ли она лучшей, или скоро он поймет, что совершил величайшую глупость и погубил себя? Теперь это было уже неважно. Он, Савва Викторович Каратаев, сам сделал осознанный выбор и стал *невозвращенцем*.

Это была первая командировка Каратаева, старшего научного сотрудника центрального ИИИ — Института исторических исследований при Академии наук. Командировка

настолько простая, что главный оператор Столбиков, видя волнение усаживаемого в кресло новичка, покровительственно наставлял его:

— В твоём распоряжении пять часов, так что можешь особенно не напрягаться, — нудно бормотал он себе под нос, устанавливая программы и загружая физико-химические, антропометрические и прочие данные объекта хронопортации. — Но к четырем вечера по тамошнему времени чтобы был как штык. Понял? В крайнем случае (но это только в самом крайнем случае) я смогу продержать окно еще час. Потом, как говорится, пишите письма.

Этому компьютерному придурку даже не могло прийти на ум, что волнение клиента вызвано не боязнью перед его первой экскурсией в прошлое, а принятым им решением. Решением, выстраданным в течение многих бессонных ночей. Много месяцев ждал он этого момента. Несколько раз вопрос об его отправке откладывался, потом его снова начинали готовить, но точка времени и место назначения становились другими. То считалось, что отправляться слишком опасно, то чересчур дорого, то сложно для новичка, которого в последний момент заменяли кем-то из бывалых. А он, всякий раз узнавая о новых дате и месте, снова начинал лихорадочно готовиться к встрече с ними, сутками просиживая в электронных архивах института в поисках всего, что может ему пригодиться там, в прошлом.

И вот — десятое декабря 1911 года. Не самое лучшее время, чтобы начать все сначала, но и не самое худшее. Впереди мировая война, а если повезет, то к шестидесяти годам еще и вторая. И все же это гораздо лучше, чем, скажем, 1915 или 1918 год. Еще есть время, чтобы адаптироваться и как следует подготовиться к тяжелым временам.

Суть его задания и в самом деле была достаточно проста. После тщательной проверки — нет ли в этом месте какого-либо предмета или человека — он устанавливался на одной из тихих улочек Праги. Под видом сотрудника

немецкого исторического музея ему нужно было пройти в читальный зал Национальной библиотеки в Клементи-нуме и спокойно поработать там с несколькими единицами хранения. С теми, что бесследно исчезнут после немецкой оккупации Чехословакии. Ему предстояло просто-напросто скопировать некоторые тексты, главными из которых являлась секретная переписка Наполеона и Александра I в период Ста дней. Оказывается, в то время, когда неумолимая судьба подталкивала три армии к маленькой бельгийской деревушке Ватерлоо, два означенных императора что-то коварно замыслили. В нагрузку к основному заданию прилагалась куча дополнительных. Какие-то материалы относительно Венского конгресса, тексты средневековых миннезингеров с Вальтером фон Фогельвейде во главе, религиозные опусы раннехристианских схоластов и прочее в том же духе. Все это были не его темы, но в командировки направляли, как правило, знатоков данной эпохи, а не специалистов по привлекаемым из этой эпохи историческим или лингвистическим материалам. А поскольку Центральная Европа первой половины двадцатого века имела к специализации Каратаева самое прямое отношение, его и послали.

На свою голову.

Савва еще раз взглянул на часы. Все. Началось.

Беготня, звонки. Растерянный Столбиков доказывает, что у него все в полном порядке, параметры в норме, никаких сбоев не зафиксировано. Замдиректора вытирает платком взмокшую лысину, терроризируя бестолковыми командами окружающих, но уже прекрасно понимает, что ничто не поможет и ему не избежать грандиозных неприятностей. У всех в головах один вопрос: что случилось? Отказ системы, роковая случайность типа подвернутой ноги, когда командированный не успевает в срок прибыть к месту хронопортации? А может, он там попал под лошадь? А может, поел чего-нибудь и отравился? А может, выпил да свалился с моста...

Он поднял воротник и в последний раз осмотрелся вокруг. Сказочные, словно из Диснейленда, шпили Тынского храма и Старогородской ратуши, колокольни Святого Вита над крышами Королевского замка, десятки растворяющихся в серой пелене башен и башенок. Как все же здорово, что все это благополучно переживет войны и оккупации на зависть сотням других городов, судьбы которых не будут столь счастливыми. Они, эти города, стоят сейчас, такие же прекрасные, по берегам Рейна, Эльбы, Изара, Дуная, Вислы, Эмса, Мотлавы, и никто на земле не в состоянии помыслить, что золотой век их архитектуры уже начал отсчет своих последних десятилетий.

Каратаев тряхнул головой и решительно направился обратно, в сторону вокзала. Проходя Клементинум, он подумал было поискать такси или экипаж, но времени оставалось еще достаточно, и он предпочел сэкономить несколько лишних крон.

Во внутреннем кармане его френча лежали документы на имя Августа Максимилиана Флейтера, удостоверение сотрудника Берлинского исторического музея и билет на поезд, следующий из столицы австро-венгерской Чехии в столицу Второго рейха. Документами и деньгами (разумеется, поддельными) его снабдили в родном институте, а вот билет Савва Каратаев купил уже здесь, в Праге, полтора часа назад.

Ни в какую библиотеку он, конечно, не ходил, а сразу же по прибытии отправился на вокзал и взял билет до Берлина. Так как до отправления его поезда оставалось еще несколько часов, он решил побродить по городу. На вокзале первым делом Савва удостоверился, что сегодня воскресенье, десятое декабря 1911 года.

Пока все в порядке, размышлял Каратаев, шагая обратно по Карловой улице, разглядывая дома, вывески и редких прохожих. Он прекрасно перенес «реинкарнацию», как в шутку окрестили в их институте процедуру перехода в прошлое, быстро сориентировался и психологически был вполне

подготовлен принять факт утраты своего мира и времени в обмен на мир и эпоху начала двадцатого века. Чем прозябать там, он лучше рискнет и начнет все сначала здесь. Плевать, что здесь ему не дожить до первых телевизоров и компьютеров, что телефоны тут похожи на деревянную шарманку с заводной ручкой, а самолеты — на большие детские воздушные змеи с трещоткой. Все это можно пережить. Ведь люди в сущности те же. Немного больше предрассудков, немного меньше знаний. Зато теперь он современник Эйнштейна, Рахманинова, Ленина (кстати, где он сейчас?). Где-то бродит по венским музеям никому еще не известный и тихий Адольф Гитлер. Лишь недавно Россия простилась со Львом Толстым, а «Титаник», спущенный на воду полгода назад, еще только достраивается, превращаясь в плавучий дворец.

Конечно, как ни настраивай себя на мажорный лад, а избежать симптомов ностальгии, этой национальной болезни его соотечественников, по-видимому, не удастся. Ведь он не только навсегда покинул родину — он добровольно и безвозвратно ушел из своего времени. Подверг себя самому изощренному остракизму, настоящей реинкарнации. Много ли было таких безумцев? Пожалуй, не очень.

Через два часа, сидя в мягком пульмановском вагоне, Савва обдумывал план своих дальнейших действий.

Итак, что мы имеем. Начало двадцатого века. Тихая и благополучная, почти сплошь монархическая Европа, наслаждающаяся прогрессом и всеобщим законопослушанием. Какие-то там события в России, проигранная ими восточная кампания, недавняя русская смута и баррикады — все это касается Европы столь незначительно, что лишь скупо описывается далеко не на первых полосах столичных газет. Главное, что в цивилизованной части континента достигнуты баланс сил и стабильность. Агадирский конфликт успешно преодолен, подписаны долгосрочные договоры, сочинены умные конвенции, даны взаимные заверения. И такое состояние

продлится еще несколько лет, после чего прекрасный механизм международных отношений Старого Света совершенно неожиданно заклинит... Но об этом пока рано.

Савва достал из бокового кармана своего френча футляр для очков. Обычный с виду, местами потертый продолговатый футляр, обтянутый тонкой шагреновой кожей зеленоватого оттенка. Заперев дверь купе изнутри, он положил футляр перед собой на столик, раскрыл его и вынул очки в тонкой металлической оправе. Изнутри коробка была гладкой, со следами коричневого клея на поверхности штампованного алюминия. Подклеенная здесь когда-то ткань отсутствовала. По большому счету, старый очечник не жалко было и выбросить, но тем не менее для Саввы Каратаева эта невзрачная коробочка была теперь самым ценным предметом в мире.

Он потер подушечки больших пальцев обеих рук о штаны и прижал их к внутренней поверхности крышки футляра. Узоры папиллярных линий были мгновенно считаны и протестированы, возникло какое-то свечение. Савва выключил настольную лампу. Над старым очечником появилось изображение тонкой прямоугольной пластины, висящее прямо в воздухе. Она вся была усеяна цветными кнопками разных размеров. Взявшись за край, Савва осторожно опустил голограмму на столик рядом с футляром и пробежал пальцами по слабо мерцающим квадратикам. Появилось второе изображение — наклонно висящая в воздухе пластина с каким-то рисунком. Отрегулировав ее размер, наклон и яркость, Каратаев на минуту задумался.

Старый очечник с оторванными бархотками выполнил одну из своих многочисленных функций — создал голографическую версию клавиатуры и дисплея портативного компьютера. Размер экрана можно было варьировать от нескольких сантиметров до метра по диагонали, но следовало экономить заряд аккумулятора. Оформление клавиатуры тоже допускалось менять в широких пределах в зависимости от решаемой задачи. При необходимости можно было

создавать несколько клавиатур и дисплеев, работавших совершенно независимо и разнесенных друг от друга и от очечника на расстояние до двухсот метров.

Обшарпанный футляр на поверку оказался многофункциональным прибором, всех возможностей которого Каратаев даже и не знал. Помимо компьютера с многотерабайтной базой данных, это было звукозаписывающее устройство, сканер, радиопеленгатор, анализатор химического состава, металлоискатель, определитель генетического кода, радиационный дозиметр и что-то там еще.

Очки тоже выполняли целый ряд функций периферийного устройства. Будучи надетыми на нос пользователя, они тестировали радужные оболочки его глаз, определяя статус доступа. Таким образом, посторонний не смог бы воспользоваться ими иначе как простейшим оптическим прибором. Если же доступ разрешался, очки превращались в фотоаппарат, транслятор видео- и звукового изображения, передатчик видеоинформации от основного компьютера (очечника), оптический конвертер с возможностью увеличения до тысячи крат, прибор ночного видения и тому подобное. Они могли использоваться и как средство иридодиагностики, то есть в чисто врачебных целях. Управление функциями осуществлялось движениями зрачка, что требовало определенных навыков. Настроив, например, главный компьютер на поиск золота и надев очки, достаточно было направлять взгляд на различные предметы, чтобы определять не только наличие в них этого металла, но также его количество, степень чистоты и состав примесей.

Была у очков и еще одна чрезвычайно важная функция: с их помощью можно было работать с голографическим компьютером в скрытом режиме, когда ни клавиатура, ни монитор не были видны постороннему.

Осталось добавить, что энергетического заряда батареи при его экономном использовании могло хватить на тридцать-сорок лет.

— Что ж, посмотрим «Биржевые ведомости», — прошептал Савва, и через несколько секунд на мониторе перед ним замелькали пожелтевшие страницы старых немецких газет. — Та-а-ак, седьмое, восьмое... десятое, это сегодня... ага, вот сводка за одиннадцатое декабря. Что тут у нас... Ничего особенного. Правда, акции «Метахима» несколько поднялись, а вот «Берсоль», наоборот, продолжает падать. Ладно, посмотрим за двенадцатое число...

По приезде в Берлин Савва Каратаев намеревался сразу же приступить к первому этапу задуманной им программы. Необходимо было, поменяв австрийские деньги на немецкие марки, пустить свой небольшой начальный капитал в оборот. Сумма его «командировочных» равнялась одной тысяче крон. Громадные деньги для трех-пяти часов работы. Основная их часть лежала в потайном кармане жилетки и предназначалась для форс-мажора. Этих денег вполне хватило бы, чтобы зафрахтовать «мотор» или лошадь, откупиться от полицейского, дать на лапу чиновнику, оставить залог служащему библиотеки, если тот побоится выдать ценную книгу. Ну и так далее. Всего заранее не предусмотреть.

Теперь, после покупки билета первого класса на экспресс Вена — Берлин, а также небольшого саквояжа (пассажир без багажа может вызвать подозрение), у Саввы оставалось чуть более восьмисот крон. Хватит на три-четыре месяца скромного существования. А что потом? Искать работу? Не нужен ли вам историк, господа, почти кандидат наук, тема проваленной диссертации которого звучит примерно так: «Пангерманизм первой четверти двадцатого века на примере венских фёлькиш-ферейнов и его дальнейшее развитие в ариософских учениях начала тридцатых годов»? Что? Своих хватает? Ну, положим, таких-то у вас как раз и нету.

Ведь при желании он мог бы сварганить такое учение, которое, несмотря на весь его сюрреализм и откровенную фантазию, позволило бы ему предсказать многие события, точно предопределить направления общественного развития,

предугадать грядущие катаклизмы и вознести своего автора на вершины почитания, как познавшего истину. Он просто воспользовался бы громадной информацией, хранящейся в кристаллах памяти его старого очечника. Одних только биографий людей, от оставивших едва заметную царапину в европейской истории до таких монстров, как Гитлер, он имел что-то около десяти тысяч.

Но на все это потребовалось бы время. Да и сам этот путь очень скользок и опасен. Велик соблазн сболтнуть лишнее. Заевался, потерял чувство меры — и, сам того не желая, оказал непозволительное влияние на естественный ход истории. А если развитие событий вдруг пойдет не так, как положено, то все твои знания и биографии потеряют свое бесценное значение. Даже небольшие отклонения внесут неизбежную путаницу и вызовут цепную реакцию сюрпризов. Сложившийся порядок исторических фактов хрупок, словно карточный домик. Никакой самый совершенный компьютер и никакая самая умная программа не в состоянии просчитать последствия того или иного его, Каратаева, поступка. Но, разумеется, не стоит и преувеличивать. Если он, к примеру, отыщет здесь Ленина, познакомится с ним и поговорит о погоде, то вряд ли собьет этим будущего вождя пролетариата с предначертанного ему пути. И все же ему следует соблюдать предельную осторожность. Как можно дольше он должен оставаться в этом мире тенистым потребителем его благ, не допуская сколько-нибудь существенного влияния на развитие событий. Только тогда он будет постоянным хозяином положения. А потом посмотрим.

Но восемьсот двадцать две кроны, равные семистам немецким маркам (по курсу 1 к 0,85), — слишком малая сумма, чтобы соваться на биржу и начинать манипуляции с акциями. Поэтому самым первым шагом сотрудника Берлинского исторического музея Августа Флейтера станет посещение одного из столичных казино. Еще дома Савва запустил

на своем компьютере программу с заданием проанализировать тысячи газетных сообщений декабря одиннадцатого года на предмет поиска в них сведений о всякого рода финансовых аферах, крупных выигрышах или, напротив, проигрышах, о внезапно найденных кладах и тому подобном. Его внимание тогда привлекла заметка о том, как некий русский купец по фамилии Овчинников крупно проигрался в рулетку в берлинском казино «Фортуна». Произошло это за десять дней до Рождества, а именно пятнадцатого декабря. Вернее, еще только произойдет.

Казалось бы, какую выгоду можно извлечь из знания факта проигрыша? Никакой, если бы репортер не сообщил в своей заметке, что русский просчитался всего на один номер: вместо его «17 черное» выпал «18 красное»!

Каратаеву вспомнился тогда знаменитый Висбаден. Сколько известных русских (и не только мужчин) проигрались там в пух и прах! Один только Федор Михайлович чего стоит. Несколько раз в свои очередные приезды на этот курорт он выходил из-за стола не то что без копейки в кармане — без гроша за душой. Зато когда сочинял «Игрока», то знал, о чем пишет, не понаслышке.

Итак, пятнадцатое декабря, казино «Фортуна». Остается разыскать в толпе этого самого Овчинникова, дожждаться, когда он поставит на «17 черное», и тут же сунуть все свои деньги на «18 красное». После этого лучше скрестить пальцы на руках и ногах и уповать на то, что репортер из «Берлинер тагеблат» ничего не напутал.

Савва выключил голограмму, спрятал очечник с очками в карман своего желто-песочного френча и откинулся на мягкую спинку дивана. В это время в дверь купе постучали. Поезд пересек границу Германии, и немецкая таможня начала проверку документов.

— С возвращением в рейх, господин Флейтер, — сказал вежливый чиновник, отдавая Савве его фальшивый паспорт.

В Берлине, уплатив за две недели вперед пятнадцать марок, он снял комнату в квартале от Бель-Альянс-плац: выборка из газетных списков сдаваемого внаем жилья была подготовлена им заранее. В полиции Каратаев зарегистрировался как писатель, приехавший из Австро-Венгрии, но много лет перед тем проживший в России.

В ожидании пятнадцатого числа он гулял по городу, знакомясь с достопримечательностями; подглядывал и запоминал, сколько следует давать на чай таксистам, а сколько привратнику; разыскал на Курфюрстендамм «Фортуна»; посетил тот самый исторический музей, сотрудником которого якобы являлся; уплатил штраф в полицейском участке за кормление голубей в неположенном месте (а именно возле статуи Бисмарка, что напротив Рейхстага). Он покатался на трамваях, попил пива в «Томаскеллере», почитал объявления на афишных тумбах, среди которых особое его внимание привлекло сообщение о воскресных бегах на загородном ипподроме Мариендорф, где совсем недавно был установлен усовершенствованный тотализатор Экберга.

Пришлось потратиться и купить кое-что из одежды и канцелярских принадлежностей, а также несколько книжек. При всем при этом Каратаев строго следил, чтобы отложенные им на игру четыреста марок — все деньги он носил с собой — оставались в неприкосновенности.

В назначенный день тщательно выбритый Август Флейтер бродил по главному залу казино «Фортуна», позвякивая в левом кармане френча семью серебряными монетами по двадцать прусских талеров каждая. Он обменял их в специальном окошечке, отдав четыреста двадцать марок — почти все свои деньги.

Зеркала, люстры, темно-коричневые спиралевидные колонны, картины в тяжелых рамах, зашторенные темно-зеленым бархатом альковы для картежников. Публики много. Важные господа в белых жилетах под черными

фраками и сюртуками, с неизменными моноклями в глазу. Более современно и демократично одетая молодежь в таких же, как на Каратаеве, френчах, галифе или брюках, длинных шнурованных сапогах из желтой кожи или остроносых ботинках. Военные. Дамы в платьях из темных блестящих тканей до самого полу, с пышными рукавами на плечах и узкими на запястьях. Между ними сновали юркие стюарды в красных расшитых курточках и черных брюках с узкими серебрястыми лампасами. Они носили подносы с выпивкой, подзывали к телефону завсегдатаев, помогали подняться из-за стола сломленному неудачами или ослабленному алкоголем игроку, выбегали на улицу вызвать экипаж или такси.

Большинство публики не принимало участия в игре. Некоторые живо наблюдали за происходящим за столами, завороченно следя за бегающим по кругу шариком или мелькающими на зеленом сукне игральными картами вперемешку с монетами, банкнотами и долговыми расписками. Другие ничем таким не интересовались, коротая здесь холодный зимний вечер за светской беседой. Они потягивали напитки, кивали проходящим мимо знакомым, обсуждали последние новости.

Каратаев прохаживался между столами с рулеткой, напустив на себя вид пресыщенного знатока подобных развлечений. Он искал загулявшего купца-соотечественника и никак не мог отыскать. В его голове засел образ не слишком обремененного светскими манерами богатея с массивной золотой цепью на расшитом золотыми листьями малиновом жилете, обтягивающем большой круглый живот. Лоснящееся от жира лицо а-ля Генрих Тюдор с маленькими глазками и завитыми в колечки короткими волосиками надо лбом. Но ничего подобного ни за столами, ни рядом не обнаруживалось.

Каратаев прислушивался: не раздастся ли где-нибудь возглас на родном языке, не чертыхнется ли кто-нибудь, не обложит ли матом немчуру с их дурацкими порядками?

Но повсюду звучала немецкая речь, в которую изредка вплетались французские либо английские реплики редких иностранцев.

Савва стал нервничать. Начинать выполнение так тщательно обдуманного им плана с неудачи очень не хотелось. Он подошел к кассам, где франки, марки, доллары, фунты и даже рубли обменивались на удобные в игре золотые и серебряные монеты крупного достоинства (ведь фишек и жетонов еще не было и в помине), и поинтересовался у стоявшего неподалеку служителя: не проходил ли в зал некий господин по фамилии Овчинников?

— Да, он здесь уже третий день, — ответил тот.

— Вот как?

— Если его нет у рулетки, значит, играет в карты за занавеской. Хотя постойте, вот же он! — служитель кивком указал на человека, менявшего поблизости деньги.

Тот был высок, худ, в длинном темно-синем сюртуке, как у военных моряков, и совершенно не соответствовал ни видом, ни манерами каратаевскому стереотипу русского негоцианта.

Савва кивнул служителю и, к удивлению последнего, не только не подошел к разыскиваемому им человеку, а напротив, поспешил отойти в сторону. Нельзя было оказать ни малейшего влияния на того, кто должен с ювелирной точностью отыграть свою роль. Подойди он к купцу просто поздороваться — и может случиться так, что потом, в самый ответственный момент, он назовет не тот номер. Внешне он выполнит все точно так же, но ход его мыслей, потревоженных неосторожным прикосновением постороннего, может не привести к тому самому, очень тонкому и на девяносто девять процентов случайному решению, механизм принятия которого столь таинственен и не познан.

Каратаев издали следил за Овчинниковым. Обменяв деньги, тот направился к дальнему столу с рулеткой, вяло отмахнувшись по пути от какой-то дамы. За столом его явно

ждали. Он сел на стул напротив центра расчерченного игрового поля и выложил на стол несколько стопок золотых и серебряных дисков. Игрока обступили плотным двойным полукольцом болельщики, и крупье произнес:

— Messieurs, faites vos jeux*.

По наступившей вокруг тишине и по все накапливающейся здесь публике чувствовалось, что начинается действительно крупная игра. «Слава богу, похоже, я еще не опоздал и даже как раз вовремя», — подумал Каратаев. Он протиснулся поближе, сжав во вспотевшей ладони свои деньги.

Желающие сделали ставки, но крупье ждал главного участника. В этот момент Каратаев заметил рядом с собой человека, записывавшего что-то карандашом в небольшом блокнотике. «Ага, вот и наш репортер», — со все возрастающим волнением подумал он, и его рука непроизвольно вытащила из кармана монеты.

— Ладно, начнем все сначала, — со вздохом усталого человека на достаточно чистом немецком произнес Овчинников и положил несколько монет на разделительную черту между «13 черное» и «14 красное», сыграв таким образом сплит.

— Les jeux sont faits; rien ne va plus**.

Хромированная крестовина вертушки закрутилась, поскрипывая бликами света хрустальных люстр. Все замерло. Во встречном направлении устремился белый шарик из слоновой кости. Сначала он катился по гладкой поверхности выше бортика с лунками и равномерно жужжал. Затем, потеряв скорость, опустился чуть ниже, перемахнул кольцевой выступ и запрыгал, стуча по несущимся навстречу латунным перегородкам.

— Двадцать три, красное, — объявил крупье, сгребая большую часть денег с разлинованной части зеленого сукна.

* Господа, делайте ваши ставки (фр.).

** Ставки сделаны, больше ничего не принимается (фр.).

Игра продолжилась. Овчинников ставил по какой-то, возможно только одному ему понятной, схеме, играя то стриты и линейки, то квадраты и дюжины, то понижая риск и увеличивая ставку, то, наоборот, возвращаясь к стрейту, то есть ставя все на один номер.

— Это система «парлай», — шептал на ухо даме один из зрителей, изображая из себя специалиста.

Иногда Овчинников выигрывал, даже довольно крупно, и возле него скапливалась внушительная груда монет и банкнот. В таких случаях он шел на риск, поднимая ставку до предельной и играя сдвоенные или строенные номера. Количество денег возле него сразу уменьшалось, и он снова переходил к колонкам и дюжинам, ни разу, однако, не опустившись до «чета — нечета» или «красное — черное».

— Семнадцать, черное, — неожиданно громко произнес русский, звякнув по соответствующей клетке таблицы высокой стопкой золотых монет.

— Восемнадцать, красное, — сдавленным голосом тут же выкрикнул Савва и, протискиваясь к бортику стола, неуклюже протянул свои деньги.

— *Faites vos jeux.*

Засверкала крестовина, в наступившей тишине тягуче запел свою песню костяной шарик. Потом он запрыгал по лункам, теряя скорость и приближая момент развязки. Наступила тишина. Каратаев стоял у противоположного конца стола и не мог рассмотреть всех нюансов этой скачки. Он скользнул взглядом по равнодушному лицу Овчинникова, и что-то вдруг привлекло его внимание. Посмотрев чуть ниже, Савва увидел, что возле высокого борта стола перед русским лежит еще целая кипа монет и ассигнаций.

— Черт! — прошептал Каратаев, уже начиная подозревать неладное.

— Двадцать четыре, черное, — объявил крупье, забирая и ставку Овчинникова, и семь серебряных двадцатиталеровиков Каратаева.

— Черт, — вторично прошептал Савва.

Самое обидное, что на его проигрыш никто даже не обратил внимания, словно играл здесь только один Овчинников.

— Семнадцать, черное, — снова произнес худощавый человек в темно-синем сюртуке и опять поставил на несчастливую клетку.

По всему было видно, что он уже устал и нервничает. В тактике его действий не было совершенно никакой логики. Только упрямство раздосадованного богатея.

В это время к нему наклонился один из стоявших рядом офицеров и что-то прошептал на ухо. Овчинников поднял голову и посмотрел на большие часы на стене. Он снова о чем-то пошептался с офицером, сделал рукой знак, привлекая внимание крупье, уже собравшегося объявить об окончании приема ставок, и начал выкладывать все оставшиеся у него деньги на клетку «17 черное».

— Туда же.

Возникло явное оживление. Повернув голову, Савва заметил, что на некотором удалении позади зрителей замерли официанты с полными подносами в руках. Они почувствовали приближение развязки и знали, что потребуется от них в следующую минуту — независимо от результата игры.

— Faites vos jeux.

В который раз закрутилась вертушка, запрыгал костяной шарик.

— Восемнадцать, красное, — невозмутимо произнес крупье под вздох толпы.

Надо же, он ошибся всего на одну лунку! Все посмотрели на проигравшего. Тот улыбнулся, встал, подал знак, и официанты с подносами, плотно уставленными фужерами с шампанским, сделали шаг к столу. Овчинников кивнул им, слегка поклонился публике и вместе с офицером стал пробираться к выходу. Десятки рук потянулись к дармовой выпивке, отталкивая уже все окончательно осознавшего Каратаева.

Он посторонился и молча наблюдал, как репортер берлинской светской хроники, ухватив бокал, отошел в сторонку. Поставив его на постамент какой-то статуи, журналист раскрыл свой блокнот и стал в нем что-то записывать. Казалось, этот тип был просто счастлив от всего произошедшего. «Скотина, — думал, глядя на него, Каратаев, — не мог нормально написать, что русский дважды ставил на семнадцать, черное...»

«Чертов идиот, — ругал он уже себя, возвращаясь домой. — Фраер, лох, придурок, профершпиливший (или как там у Достоевского) казенные деньги! Хорошо хоть за жилье вперед уплачено. Ну-у-у тупица!..»

Уже лежа на диване в своей комнате на Фридрихштрассе, он, несмотря на проигрыш, успокаивал себя: как бы там ни было, а газетная заметка все же сработала. Будь он сам чуточку повнимательнее, и такого прокола не случилось бы. А значит, еще не все потеряно.

«Однако что же теперь делать? — в десятый раз задавал он себе этот вопрос. — Осталось сорок восемь марок и мелочь. Так бездарно продуть все деньги! Нет, если так пойдет и дальше...»

Он вдруг вспомнил афишу, призывавшую публику на воскресные бега. «А что, — подумал Каратаев, — с моими копейками только это и остается».

Он проверил, заперта ли дверь, выключил свет и достал из кармана висевшего на стуле френча очечник. Через минуту Савва уже поставил перед поисковой программой компьютера задачу: выудить из декабрьских берлинских газет все, что касается бегов или скачек. Потом он отобрал данные за ближайшее воскресенье семнадцатого декабря. Скачки, как обычно, были прекращены еще осенью, а вот бега, невзирая на зиму и снег, продолжались, и в этот день действительно должны были состояться.

Савва выписал на клочок бумаги интересующие его данные, выключил компьютер и снова лег.

Весь следующий день он опять бродил по Берлину, стараясь приобщиться к ритму и стилю жизни последних лет Второй империи. Старательно запоминая названия улиц, вывески магазинов, расположение остановок общественного транспорта, Каратаев с особым вниманием приглядывался к людям. Вот группка ортодоксальных евреев в черных шляпах, бородах и пейсах толпится возле синагоги; вот студенты в каких-то чудных шапочках, звякая пристегнутыми к форменным шинелям короткими рапирами, шумной гурьбой вваливаются в пивную; вот полицейские вытянулись во фрунт вдоль тротуара и отдают честь проносящейся мимо карете с германским принцем крови, следом за которой, рассыпчато звеня подковами по каменной мостовой, летит на рысях эскорт черных прусских гусар.

Посещать заведения ему теперь было не по карману. В течение дня он перебивался пирожками и парой бутербродов с колбасой, а возвращаясь вечером домой, купил булочки и молоко на углу Маркграфен и Краузенштрассе. Лежа потом в своей комнате на тесном диване, он в который уже раз размышлял о странностях этого мира.

Каратаев понимал, что никто из его современников никогда не узнает, что с ним случилось. Отправка в прошлое агента-исследователя (агиса, как называли командированных в их институте) и его возвращение осуществлялись через одно и то же окно. Если же окно закрывалось, а агент к тому времени не возвращался, то он не возвращался уже никогда. Но самое интересное, что, сколько ни посылай в то же место и в то же время других агентов через новые окна, найти пропавшего они не могли. Более того, не могли обнаружить никаких следов его деятельности. На сей счет существовало множество теорий о всякой там многовариантности возмущенного прошлого.

Он снова вспомнил книжную иллюстрацию так называемого феномена независимости. На маленький необитаемый остров с единственной кокосовой пальмой в его центре

в понедельник энного года посылается агент А. Через другое окно хронопортации туда же, но, скажем, днем позже — во вторник — посылают агента Б. Спрашивается: что будет на острове в среду? Ответ: никто толком не знает. Ясно одно — они не встретятся. Каждый из них будет жить под этой пальмой хоть год, хоть всю оставшуюся жизнь в полном одиночестве. Если А с горя вдруг спилит несчастное дерево, то Б этого никогда не заметит. Он так же будет сшибать с него кокосы, как и прежде. В свою очередь и А не обнаружит следов деятельности своего коллеги, хоть взорви тот над островом атомную бомбу. Если же с целью посмотреть, что там творится, к ним пошлют третьего агента, скажем, С (уже через третье окно), то он обнаружит там первоначальный покой и полное безлюдье. А вот хронопортация агента С через окно агента А приведет к их встрече. То же и в отношении окна агента Б. Таким образом, агисы, посланные в прошлое через одно и то же окно, оказываются в общем для них мире, а через разные — в разных. Такая вот получается загогулина.

Самая большая сложность в связи с этим состояла в том, что держать окно открытым можно было очень недолго, буквально несколько часов, после чего резко возрастают затраты энергии и наступает нестабильность. Через нестабильное окно назад может вернуться инвалид, дебил или, того хуже, непонятно что.

Но зато из феномена независимости вытекало одно величайшее следствие: никакие художества агисов в прошлом не могут повлиять на современность. Что бы они там ни сотворили, в том времени, откуда они были хронопортированы, ровным счетом ничего не менялось. Как не менялось и ни в каком другом. Ведь обычных людей и все человечество в целом, живущее в любую конкретную эпоху, также можно рассматривать как группу агентов-исследователей, хронопортированных в прошлое через свое общее огромное окно, но со смещением в ноль секунд. Того, чего так боялись

раньше — катаклизмов, связанных с парадоксами причины и следствия, — не происходило. Проникни на год или на сто лет назад банда террористов и взорви там хоть сто атомных бомб, последствия сказались бы только в их варианте. Там погибли бы люди и города превратились в руины, в других же эпохах и в настоящем времени (хотя понятие «настоящего» стало весьма условным) никто не заметил бы перемен.

Воскресное утро семнадцатого декабря выдалось солнечным, с легким морозцем. Путь до Мариендорфа оказался неблизким, так что пришлось потратиться на извозчика, вследствие чего у Каратаева осталось ровно сорок марок.

Ипподром был заполнен до отказа: многие берлинцы надеялись сделать себе подарок к Рождеству. Рядом со смотровой трибуной расположился военный оркестр, а на беговых дорожках гарцевали несколько всадников в блестящих шлемах с высокими султанами из конских хвостов.

Публика здесь, не в пример фешенебельному казино на Курфюрстендамм, собралась разношерстная. Важные господа — члены клуба — и их дамы в основном расположились в ложах, коротая время за бокалом глинтвейна или чашечкой горячего кофе. Но и внизу, в толпе у ограждения, можно было заметить высокие черные цилиндры и меховые воротники. У всех без исключения в руках были программки с расписанием забегов; у многих — бинокли; блокноты, в которых делались какие-то пометки; газеты, уделяющие внимание конноспортивным соревнованиям. Каратаев тоже подобрал оброненную кем-то программку и сверил ее со своим списком. Все совпадало.

В тонкостях тотализатора Савва не разбирался. Вообще-то это было его первое посещение ипподрома. Из газет, прочитанных накануне, он узнал, что можно делать какие-то хитроумные ставки, дающие шанс на крупный выигрыш даже в случае победы явного фаворита, но ничего толком не понял и решил ставить по-простому — на победителя.

Именно поэтому два первых забега он посчитал нужным пропустить. В обеих группах побеждали всем известные лидеры, так что рассчитывать на сколько-нибудь приличный выигрыш не приходилось. К тому же прежде он хотел еще раз убедиться, что все пойдет по разведанному им сценарию.

Он прошел в большой кассовый зал с толпящимся перед окошками народом, чтобы осмотреться и послушать, о чем говорят. Он еще не очень хорошо ориентировался во внешних признаках сословий и старался разобраться, кто есть кто.

Впрочем, господскую прислугу и офицерских денщиков, выполнявших поручения хозяев, он уже отличал от фабричного люда и среднего класса. Возле представителей последнего вились какие-то темные личности, предлагавшие себя в роли букмекеров, суля заманчивые соотношения ставок. Присутствовали тут и азартные дамы, и студенты, прохаживались полицейские. Из своей конторки вышел ипподромный служитель и что-то объяснял публике возле висящей на стене афиши. В стороне группками стояли знатоки. Эти владели всеми тайнами тотализатора и конюшенных интриг, знали не только какая лошадь когда засбоит, какая плохо проходит повороты и какой жеребец на прошлых бегах потянул сухожилие, но и всю подноготную каждого жокея, вплоть до интимных подробностей его семейной жизни.

— Мадам, семь к четырем на Луидора — это сказочное предложение. Он придет вторым, уверяю вас, — приставал вороватого вида тип к пожилой фразу. — Не связывайтесь с тотализатором. Это сплошное жульничество. Скажу вам по секрету, они сами вносят ставки после первого круга, — перешел он на доверительный шепот, опасливо поглядывая в сторону полицейского.

На улице заиграл военный оркестр, и Каратаеву постепенно передалось общее празднично-азартное возбуждение, не имеющее ничего общего с жестокой и равнодушной атмосферой казино. «Черт возьми, — думал Савва, проталкиваясь обратно к ограждению беговой дорожки, — неужели

все получится? Не сделаю же я и на этот раз какую-нибудь глупость!»

— Англичане уверяют, мол, все масти равны и всякие там пятна не имеют значения, — слышал он обрывки разговоров, — но Винтерворт и Винге доказали, что серая превалирует над буланой, а караковая над гнедой.

— А что вы скажете о рыжей и вороной?..

— Это все ерунда! Чем темнее шерсть, тем устойчивее кожа лошади к солнцу. Только и всего. Возьмите альбиносов...

— А пегость есть следствие одомашнивания...

Оркестр смолк. На самом верху трибуны появился человек с огромным рупором и объявил участников первого забега. Последовал удар колокола. Все головы повернулись влево. Стоявшие у самого бортика навалились на ограждение, вытянув вперед плечи и шеи, а навстречу, фыркая паром, уже летела шестерка рысистых жеребцов, словно и не замечая привычных позади своих крупов качалок с возницами.

Первый круг они прошли компактной лавиной, едва не цепляя друг друга осями и обдавая не успевших отхлынуть от загородки зрителей вылетающей из-под копыт землей вперемешку с брызгами подтаявшего снега. Тонкие спицы больших колес растворились в бешеном вращении и исчезли. Ободья словно отделились от ступиц и летели сами собой. Возницы сидели на качалках вплотную к лошадиным крупам, вытянув обе ноги прямо перед собой и упершись ими в стремяна. Конские хвосты едва не били их по лицам. Возницы размахивали хлыстами, не щадя своих любимцев, которых только что холили и нежили в конюшне, ощупывая каждую жилку и каждое сухожилие.

На втором круге рысаки растянулись. Впереди, грациозно подняв голову, бежал Сенатор, доставляя счастье всем, кто сделал ставку на этого фаворита-пятилетка. Он пришел первым. Луидор, которого расхваливал сомнительный тип возле касс, — лишь пятым.

В следующем забеге сотни глаз были устремлены на старого и опытного Кронпринца. На последнем круге этот черный как смоль жеребец, принимавший участие чуть ли не в первых берлинских бегах девяносто пятого года, все еще отставал на полкорпуса от туманно-белого с сиреневым отливом Тайфуна. Входя в завершающий поворот, он вылетел за радиус дорожки в поле и сразу откатился назад более чем на корпус. Толпа охнула. Каратаев испуганно заглянул в шпаргалку: неужели ошибка?! Но нет, вот они сравниваются и проносятся мимо, словно запряженные парой. Мелькают хлысты. Наездники, оскалившись, издают какой-то звериный рык. Общий вздох. Кронпринц снова отстает на полкорпуса...

Тишина.

— Тайфун обставил старика Кронпринца, — слышится со всех сторон, и Каратаева прошибает озноб.

Его данные не верны! Но это же означает катастрофу, ведь сейчас он должен поставить последние деньги, и если проиграет...

Вокруг зашумели и закрутили головами.

— Что случилось? — спросил Савва кого-то из соседей.

— Кронпринц объявлен победителем, — объяснили ему. — Тайфун дисквалифицирован за четыре проскачки перед самым финишем. Берлинец теперь второй, Дамаск — третий.

Слава богу!

Вокруг снова стало свободнее. Многие устремились к кассам за выигрышем, который тут же меняли на новые билеты, вверяясь опыту, интуиции и удаче. Те, кто побогаче, никуда не бежали — раскуривали сигары и обменивались мнениями. Одни пользовались услугами проверенных ипподромных букмекеров, другие заходя сделали ставки на тотализаторе, распределив деньги по номерам и забегам, и теперь заносили результаты второго финиша в свои блокноты. «Что же я-то стою!» — чуть не вскрикнул Каратаев и бросился к кассам.